ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

К Р И Т И К А

К 90-летию Анатолия Белинского

Книги, которые останутся...

Александр АНДРЮШКИН

Одному из старейших петербургских прозаиков, Анатолию Ивановичу Белинскому, 10 октября 2016 года исполнилось девяносто лет.

Плодовитым писателем Белинского назвать нельзя: он выпустил всего один роман *("Звезда заветная", 1985)*, с полдюжины повестей, рассказы, книгу литературных мемуаров "Без гнева, с пристрастием" *(2013)*. Всё написанное им, наверное, уместилось бы в четырёх-пятитомном собрании сочинений, однако вес этой прозы, думается, значительно превосходит её небольшой объём.

С 1984 по 1996 год Белинский возглавлял редакцию художественной литературы "Лениздата", т.е. крупнейшего партийного издательства города на Неве; и в постсоветские времена он не ушёл на покой: вот уже двадцать лет руководит издательством петербургских писателей "Дума" и ещё и сейчас, в девяностолетнем возрасте, сдает книги в печать.

Отдавая должное организаторским заслугам Белинского, в писательской среде никогда не сомневались, что он – талантливый и своеобычный прозаик. Для того, чтобы дать почувствовать вам вкус прозы Белинского, я процитирую отрывок из его повести о Дзержинском "Хлеб этих лет" *(1993)*, в повести говорится о Сибири в начале 20-х годов XX века:

"Едва только забрезжил рассвет, Карасевич оделся и ушёл из города, оставив в постели истерзанную, искусанную женщину… Карасевич оставил женщине, с которой провёл ночь, две тысячерублевые бумажки. Фунт хлеба на Казачьем базаре в Омске в тот день стоил шестнадцать тысяч рублей".

Замечу сразу, что в повести о Дзержинском садистический смысл данного эпизода оправдан: Карасевич – белогвардеец, точнее – бандит времён Гражданской войны. Но Белинский не избегал показать и неимоверные жестокости нынешних времён, например, повесть "Побочные обстоятельства" *(1997)* рассказывает о том, как трое бандитов похитили миллионера с целью получения выкупа. Эта повесть, как и другие произведения Белинского в детективном жанре, основана на реальном уголовном деле. Если же попробовать суммировать в одной фразе главную тему прозы Белинского, то это будет: "показ души человека в экстремальных ситуациях, в том числе, во время пыток и беспощадной борьбы". Как будто бы похоже на жанр триллера? В чём отличие от триллера, я поясню позже, но вначале нужно сказать о том, откуда же ведёт начало интерес писателя к показу подобных характеров и ситуаций.

В книге Белинского "Без гнева, с пристрастием" читатель найдёт и свидетельства о временах перестройки, и воспоминания о собственном детстве писателя в Винницкой области на Украине, о корнях же своих прозаик говорит, что никогда по-настоящему ими не интересовался, впрочем, сообщает, что "маму лет в тринадцать отдали в услужение в богатую еврейскую семью в городе Умани. В этом услужении она была работницей на все случаи жизни, но мама никогда плохо не отзывалась о своих хозяевах".

В том же месте книги автор пишет, что отец его происходил из захудалого польского шляхетского рода "Билиньских".

В анкетах советских лет, конечно, свою биографию писатель подавал иначе, но глава обкома КПСС Григорий Васильевич Романов разглядел, думается, не анкету, а человека, когда в 1980 году утвердил кандидатуру Белинского на должность секретаря партийного бюро Ленинградской писательской организации.

Романов угадал в Анатолии Белинском того, кем он и был на самом деле: упорного труженика, всегда служившего государству не за страх, а за совесть. Белинский одинаково старательно нёс службу в армии, затем короткое время работал на заводе (во время учёбы в Литинституте), затем продолжал идеологическое служение, уже будучи писателем.

Советская власть в Ленинграде (за исключением кровавых эксцессов революции и первых послереволюционных лет) всегда была в то же время властью русской – это я могу засвидетельствовать как ленинградец в третьем поколении, на основе моих многочисленных бесед с ветеранами. Поэтому и Анатолий Белинский, будучи преданным своему делу коммунистом, в то же время верно служил России, и здесь не было противоречия. Его первая повесть "Мост через Фонтанку" была посвящена работе токарей на заводе; о жизни в разные советские годы в Ленинграде (и не только в нём) мы узнаём из повести "Четыре ветра" и из необычной книги "Письма прошлого века" *(2008)*, представляющей собой подлинную переписку писателя с собственной женой. Автор этих строк с живым интересом прочёл вроде бы простые бытовые письма, но двух весьма культурных людей: Ф.А. Белинская была доктором химических наук, а в наблюдательности, пожалуй, не уступала мужу-прозаику. Главное, что останавливает внимание в их переписке (помимо примет времени), это глубокая любовь и верность двух людей.

Наконец, нужно сказать о детективных повестях Белинского, и оттолкнусь я от суждения Сергея Чупринина, который в литературном словаре "Жизнь по понятиям" *(М., 2007)* в статье "Правдивость в литературе" написал: "Подавляющее большинство правдивых, с потерями и жертвами пробив-

шихся к читателю произведений русских писателей советской эпохи невозвратимо ушло в архив".

Думаю, что Чупринин в этом суждении ошибся и что в архив скорее уйдут книги рыночных издательских серий, начиная с Акунина и даже Брусникина (псевдоним того же Чхартишвили для трёх его исторических, якобы "качественных" романов). Отличие этих триллеров от лучших детективов советской школы, во-первых, в том, что традиционные детективщики русской школы больше работали и работают с подлинными уголовными делами, а, во-вторых, они всё-таки не были вынуждены так лихорадочно спешить, как это заставляет делать рынок. В отношении детективных повестей Белинского можно с уверенностью сказать, что это – психологическая и идейно нагруженная проза самого высокого образца.

Это повести "Овальный портрет" *(2006)*, "Под гримом" *(2006)* и "Побочные обстоятельства" – о последней из них я уже сказал, что она – о похищении тремя бандитами "богатенького буржуя", который столь упорно молчал о местонахождении своих денег, что троице пришлось его пытать. Участие в пытках психологически сломило наиболее молодого и совестливого из трёх бандитов, Валеру, который невольно проболтался о преступлении, и оно было раскрыто.

"Валерка смотрел на всё происходящее невидящими глазами. Он не мог думать ни о чём, кроме того ужасного, страшного, что осталось уже позади, но, оставшись там, в прошлом, всё равно было рядом с ним, было в нём самом. И никак не забыть, ничем не заслониться от той ночи, ничем не заглушить ужас того, что это же он сам, Валерка, своими руками бил, вязал, толкал плот в воде, а из мешка на плоту доносился глухой, протяжный, звериный стон… это же он, Валерка, бил кирпичом по голове живого человека…".

Белинский умеет создать в повествовании сильный и явный подтекст, так что читатель понимает: когда сказано, что "что это же он сам… своими руками бил, вязал и т.д.", то говорится это не об уголовнике Валерке, а обо всех нас, о тех, кто был в той или иной степени приобщён к работе советской власти, в том числе – её пропагандистского аппарата. Так следует из подтекста, доказывать наличие которого – дело неблагодарное, нужно читать всю повесть.

Да, советскую власть либералы обвиняют кое в чём незаслуженно, но не будем впадать и в излишний защитительный пафос, рисуя бывшую советскую державу "белой и пушистой". Приходилось и напряжённо трудиться, и бороться с реальными, а не мнимыми врагами, а борьба имеет свои, порой очень некрасивые, законы, о которых столь парадоксальным образом напоминает нам Белинский. В общем, и детективные повести, и вся проза Белинского – непростая, не относится к категории однозначно прочитываемой, и говорить, что она легко может "уйти в архив", я бы не спешил.

Автор этих строк далеко, конечно, не достиг возраста юбиляра, и, быть может, самому Анатолию Белинскому мои выводы покажутся неверными. Но мне кажется, что в литературе, как и в других областях жизни, есть те, кто действует, и те, кто более склонен описывать или объяснять чужие действия. Порой те, кто действуют, не имеют дара слова, но есть и достаточно редкий тип пишущих людей дела, а в нём – ещё более редкая категория: хорошо пишущих. Мне кажется, что Анатолий Иванович Белинский принадлежит к этой последней категории людей.

Пожелаю ему счастья в его девяностолетний юбилей и позволю себе ещё раз выразить мнение, что его книги в русской литературе останутся.

ЦВЕТ

Александр БАЛТИН

Все оттенки жёлтого у Лермонтова – от густого золота до лимонно-канареечных переливов…

Ягодные поля Некрасова.

Лилово-фиолетовый Тютчев, с густой прозеленью летучего летнего ливня…

Цветная литература.

Красно-оранжево-золотой звенящий цветаевский диск.

Литература – это...

Мраморный, в синеватых прожилках стих Мандельштама.

Глянь за окно – там живые, густые, весёлые, зелёные тополя – совсем не стеллажи, забитые книгами, совсем, совсем; а книги – волшебные огни… они противу жизни что ли? Слишком она шумит, чтобы думать, слишком озабочена, чтобы просто быть…

ГИПНОЗ

Стихи Бориса Рыжего обладают свойством гипноза.

Низовая, живая, мощная, приблатнённая лексика; кровь, детские слёзы, страшно и долго зреющий плод одиночества; чей-то крик, дрожащий над пустырём… лезвие, вонзённое в перила… гипсовые горнисты, и – алкоголь, алкоголь, алкоголь… Густая, ядовитая смесь вливается в вашу душу чистейшим раствором поэзии, и слёзы щиплют глаза – себя ли жалко? Его ли? Его – блестящего, успешного, растерянного, одинокого, будто лишённого внутреннего стержня или ядра, столь щедрого к нам – берите, читайте…

Мускульное напряжение жизни не ослабело в пульсации строк и не ослабеет уже никогда…

ГЕНИЙ И БЕЗУМИЕ

Иногда лилипуты, совсем распоясавшись, начинали хватать усатые и пузатые буквы, играть ими, катать, как мяч, а за окном в это время проплывала Лапута, сверкая не то мощно алмазным, не то графитным диском…

Ядовитая струйка безумия вливается в мозг; светлая вода трезвой мысли уничтожает её, и мудрые кони выходят на сцену, ибо кто ещё способен создать возвышенное и благородное сообщество? Не люди же. Одно перетекает в другое, стиль слишком ясен, чтобы принадлежать безумцу, и слишком строг, чтобы быть достоянием фантазёра.

Лилипуты опять играются буквами.

БАБОЧКА, ПОЧВА, КОРА

Крылья бабочки пишут в воздухе замысловатые знаки, нежные иероглифы смысла, что, едва проступив, исчезают, и не удержишь, как ни стремись. Ветхозаветно, немо звучит влажная фиолетово-чёрная нота чернозёма.

Клинопись древесной коры, капли забытого знания, и – не восстановишь в целостности плотнообъёмный текст, не восстановишь… Тайна Тарковского.

ВСЕЛЕНСКИЙ ОГОНЬ

Вселенский огонь Тютчева. Огнь небесный не обжигает, ибо он – огонь и океан в одном объединении света… Щедрость античного пантеизма, и острая призма, сквозь какую смотрел русский провидец. Сухое изящество строк. Порою ритмический сбив обладает мощью тайны седой и древней алхимии. Над реальностью – слои метафизики, закрытой, угадываемой стихом; точные суставы рифм организуют звёздные массивы созвучий.

О романе Виктории Смирновой "Зов Горизонта"

Не такие как все

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Ситуация в русской литературе в последние годы всё сильнее и сильнее вызывает тревогу. Романами детективного, фантастического, мистического или фэнтезийного характера прилавки книжных магазинов уже в такой степени загружены и перегружены, что их не только пролистывать, но даже брать в руки неохота – кажется, про них уже всё заранее знаешь и можешь пересказать их содержание, ни читая. А главное – подавляющее большинство книг такого рода не несёт в себе ни философской, ни политической, ни жизненной основы, а разыгрываемые в них самые острые драмы и сюжеты ни в малейшей степени не пересекаются с реальной жизнью читателей. Эти книги, конечно, могут быть и безумно интересными и мастерски закрученными в сюжетном плане, но беда заключается в том, что буквально через десять-двадцать минут после их прочтения уже абсолютно невозможно вспомнить, о чём в них только что говорилось. А между тем, настоящая литература должна обладать такой мощной энергией, которой хватит читателям не одного поколения, о чём свидетельствует русская классика.

Вот и роман Виктории Смирновой "Поцелуй Мира" отличается от массы других современных книг именно тем, что его невозможно просто так взять и выбросить из своей головы – всё время хочется продолжать длить этот разговор, вести начатое в нём расследование, проникая в бездонную пропасть вселенского мира, насыщенную всевозможными тайнами и загадками.

Книга Виктории Смирновой обещает читателю потрясающе интересную историю, которую начинает собой только что выпущенный в издательстве "Библос консалтинг" роман "Зов Горизонта", являющийся первым романом из многотомной эпопеи "Поцелуй Мира". Роман, который обещает впереди головокружительную историю, но который интересен уже и сам по себе – причём, интересен не только своими неожиданными сюжетными поворотами, но и погружением в глубокие философские смыслы.

Надо сказать, что этот роман является отнюдь не первым в творческой судьбе молодой писательницы, которая написала уже несколько замечательных историй, изданных ею малыми тиражами для круга своих друзей, проживающих в Сирии. Виктория и сама уже много лет живёт в городе Дамаске, на земле, охваченной сегодня жестокими боями. Созданные ею романы не затрагивают событий сегодняшней сирийской войны, хотя они повествуют о нашем времени. Главное, что они посвящены тем душевным чувствам и качествам, которые проносит в себе человек через любые жизненные передряги, сохраняя способность любить всем сердцем своих друзей

и близких, и искренне верить им.

У главной героини Риты при туманных обстоятельствах погибают в Москве её родители, и после этого, спасаясь от непреходящей боли в сердце, она уезжает к их давним друзьям в Лондон. Но там эта таинственная история находит своё пугающее продолжение – пропадает её любимый парень, начинается охота и на неё саму… Руку помощи ей протягивает давний друг Герка, который прилетает из Москвы в Лондон, чтобы спасти и её, и её любимого Дениса, и его сестру Диану. По ходу событий вдруг выясняется, что кому-то в Лондоне остро нужна кровь Риты и Дениса, несущая в себе, как это выясняется, гены бессмертия, и, спасаясь от этой опасной погони, они скрываются сначала в Москве, а затем убегают в неизвестный им (и тем более нам), параллельный мир, который оказывается их настоящей первоначальной родиной…

Несмотря на то, что герои книги являются ещё молодыми людьми, им вовсе не чужды серьёзные вопросы, касающиеся проблем любви, жизни и смерти, проблем времени. "День, ночь, времена года, жизни людей – всё это время или тайна времени. Время, придуманное и созданное людьми. А есть ли оно, время, на самом деле? Всё ведь движется по замкнутому циклу. Нет начала и нет конца. Время ли это? Бесконечность или тупик? Время равнодушно к тем, кто появляется, и к тем, кто уходит. Оно беспощадно…".

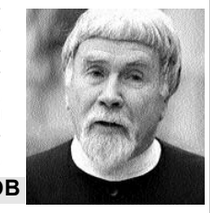
Оказавшись в сложной ситуации, Рита обнаруживает в себе удивительную способность понимать окружающую природу – слышать речь деревьев и цветов, птиц и животных. "То, что она не такая, как все, Рита поняла давно. Она всегда удивлялась своей способности уклоняться от опасности. А её общение с хамелеоном Додди подтвердило, что она умеет ещё и слышать, что передают ей животные, да и они её понимали. Она не особенно заостряла на этих вещах внимание, считая, что в душе она просто ребёнок, верящий в сказки. Но Герка открыл ей глаза, и оказалось, что это не детские фантазии. Сам Герка дружит с камнями, Денис попадает в любую тень, а Диана умеет подчинить себе любого человека… Теперь Рита отчётливо понимала, что они четверо являются лакомым кусочком для фанатичных учёных, и никогда им больше не быть свободными…".

Поэтому герои и принимают своё, сначала пугающее их, решение шагнуть в тот неизвестный мир, из которого они однажды уже выпали на нашу древнюю Землю. Это, конечно, страшит их, но они верят, что окружающий их мир не враждебен. "Земля, деревья, воздух – это самое родное и знакомое". Что их там ждёт впереди – читатель узнает только из всех последующих романов серии "Поцелуй Мира", но уже сейчас ясно, что их будут спасать не только собственные удивительные свойства, но и подаренная им свыше любовь, которую будут наделять волшебной силой ещё и их спасительные поцелуи…

Поневоле улыбнёшься и опечалишься. Вдруг позвонили в один вечер, независимо друг от друга старый поэт из Москвы (такой глубокий в своей ясности, что читатель, страшась этой глубины, предпочитает загораживаться более шумными и мелкими, как вода на перекате, именами) и старый актёр и поэт из Петербурга, имеющий власть привести Музу со сцены в храм. Обоим за восемьдесят.

Слово *или* слова, слова, слова...

Валентин КУРБАТОВ



И вот отчего улыбка. Один пожаловался, что по рассеянности позволил себе в журнальной публикации неловкий оборот, который может обидеть хорошего человека и просил внести необходимую правку, когда журнал уже был не только свёрстан, а и тираж отпечатан. Редакция отказала, хотя поэт был готов для защиты души доброго человека заново оплатить тираж. Гневу поэта не было предела. А другой в том же журнале, в другом номере, был возмущён своеволием редакции, переставившей порядок стихов подборки, и требовал вернуть свой контекст и тоже готов был оплатить расходы при перевёрстке, и тоже не находил места от гнева. При этом оба говорили, что читатель, конечно, ничего бы не заметил. Но они-то, они! Перед собой и Богом!

И вот отчего печаль. Редакция, ссылаясь на техническое причины, отказывает поэтам, несмотря на то, что они готовы пустить на защиту слова свои последние сбережения, и тем доказывает, что не верит во власть слова, в его единственность. И посреди "демократического общества" так же неуважительна к художнику, как в годы "деспотии". И это при том, что нынешние технологии мгновенны и не надо вкладывать в верстку по буковке и ворчать на Толстого или Достоевского, что они раз за разом приносят в типографию правки, могущие свести наборщика с ума.

Художник оказался сегодня более бесправен, чем прежде, и слово утратило авторитет. Даже вернее будет сказать, что ему обдуманно "утратили" его (как бы дико ни выглядел этот оборот). Слово разжаловали в рядовые, да и, кажется, провели сквозь строй пренебрежений, после чего, особенно побывав в глумливый объятиях интернета, оно уже не может вернуть себе равенства со Словом, которое было вначале.

Журналистика стала кокетлива и бесстыдна в обращении с Истиной и человеком и порой кажется, что существует для одних броских заголовков (нарочно заглянул в один из номеров МК: "Ужасный чек, ужасные сердца", "Все начинается с завязки от кальсон", "Бомба ко дню рождения", "Сексуальная контрреволюция"). А литература сделалась моментальна, как фотография "в цифре" – всё вроде цветное и "как живое", но ты уже не можешь пересказать друзьям, задыхаясь от восхищения и торопясь сделать их соучастниками чтения, чтобы вы были вместе. Книги пошли иронически перекликаться друг с другом уже не в библиотечном шкафу, а на полках супермаркетов – кого купят раньше.

А платит за это общество, теряющее духовное единство и незаметно переставшее быть народом, обратившись в толпу самодостаточных одиночеств, в числительное при переписи населения. Плата слишком велика, чтобы однажды не стать опасной.

И для меня "восстание" старых поэтов прекрасно, как сопротивление слова, не желающего оставлять родства с небом и не устающего напоминать о единстве и о том, что "всё во мне и я во всём".

Значит, слово ещё светит во тьме и тьма ещё не окончательно объяла его.

Корни берёз Светланы Ковалёвой

Василий ДВОРЦОВ

"Помню дом, калитку на улицу, за которой был бесконечный простор: леса, поля, река, поляны, пригорки. Там росли ярко красные цветы, очень маленькие, чем-то напоминающие гвоздику. Помню по обочине колхозного поля васильки – синие-синие. Помню берёзовую рощу и корни этих берёз – мощные, сильные. Я, маленькая совсем, ходила возле берёз – на корни смотрела, и мне казалось тогда, что всё вокруг на этих корнях и держится…".

Даже и без этого признания творчество автора многочисленных романсов и песен поэтессы Светланы Ковалёвой столь искренне народно, так обнажённо национально, что всякий, соприкоснувшийся с её стихами и услышавший её пение, въявь видел эти корни берёз – "мощные, сильные", на которых "всё вокруг держится". Корни, что пронизывают душу и, куда как более чем памятью, – первой любовью связуют, сшивают человека с его Родиной.

Этой душевно нестыдливой, искренней связью с деревенской, глубинной Россией Светлана Ковалёва совершенно русский человек и абсолютно народный поэт-песенник. Ведь именно корни тех берёз из нашего младенчества питают и толкают в рост всё то лучшее и главное, что мы можем предъявлять миру и ближним на протяжении всей своей жизни.

На самом деле, если кто-то вовремя, в невинно-неразумном детстве не вдохнул, не заполнился до головокружения накатившим полудневым васильковым ветром закалитных просторов, кто, со страхом в очередь с другими ребятишками, не заглядывал за край в гулкую темень колодца и не цедил потом сквозь сведённые зубы ожигающую льдистость из тяжёлого ведра, кто, вдруг проснувшись от взрывного сердечного трепета, не вслушивался в непонятные слова бабушкиной молитвы, прибиваемые шорохом и звоном струй по железной крыше неожиданно начавшегося ночного ливня, разве тот сможет потом услышать, прочувствовать, как пробиваются-прорастают на свет из смуты чувственного хаоса стройные строчки-заклинания:

Я русская,
а это значит:
Люблю синь неба,
ширь полей,
Как на просторе они скачут,
И сказки про богатырей.
……..
Я русская, а это значит:
Пред родом предков я в долгу.
Я русская, а это значит:
Другой быть просто не могу.

Когда песню "Я русская" исполняет Надежда Бабкина, зал подхватывает и в голос повторяет припев вместе с народной артисткой. Единящее воодушевление, переживаемое всеми – и стоящими на сцене, и сидящими в партере, в ложах и на галёрке, – сродни подъёму, что охватывает людей в минуты национальных победы, победы не над неким конкретным врагом, а над общей бедой, над вынесенным общим испытанием.

Невозможность быть другой, "нерусской", для Светланы Ковалёвой совершенно естественна, сущностна, ибо её поэзия просто непредставима в ломанной эстетике поликультуры, её песни в "неформате" безлико-безобразной эклектической, утерявшей остатки мелодичности и гармонии эстрады. Именно национально наследным стержнем творчества определяется круг исполнителей её произведений, среди которых и всемирно известный баритон Сергей Захаров, и преемница Мордасовой Екатерина Молодцова, маститые Фаина Николас и Галина Улетова, и юные Олеся Орешёнкова и Евгений Южин – за каждым именем слушатели уже ждут исконно родного, отчески своего, и потому встречают овациями как тонко лирическое –

Средь берёз
на пригорке домишко
Утопает в весеннем цвету.
Клонит голову белая вишня,
Знать, признала меня за версту.

Здравствуй, милая, здравствуй, родная.
Здравствуй, край моих розовых грёз,
Я к тебе из далёкого края
Своё верное сердце принес.

Так и такое наше вселенское, размашисто разгульное –

"Непокорная, непокорная" –
Вслед летит молва торопливая.
Я всегда была птицей вольною,
Непокорною, но счастливою.
……..
Ах, бубенчики, колокольчики!
Вслед за санками звон малиновый.
Увези меня ты на троечке,
Непокорную, но счастливую.

"Для того чтобы поэт сложил народную песню, нужно, чтобы народ вселился в поэта. Народные песни – не отказ, а органическое совпадение, сращивание, созвучие данного "я" с народным", – цитирует Светлана Ковалёва известное высказывание Марины Цветаевой. И добавляет: "А мне не надо сращиваться – я выросла в народных песнях, поэтому писать их мне особенно легко". Легко пишется Светлане и потому, что она всегда открыто, распахнуто женственна: слушая и читая её, даже на миг не задумываешься – "поэтесса" или "поэт"? Конечно – поэтесса! И в формах, и в содержании доминирует женское естество автора – чутко рефлектирующее и бесконечно мудрое:

Уже спокойно, безмятежно
В глаза твои смотрю шутя.
Прости за всё, мой самый нежный,
И я прощу за всё тебя.

Особая линия в творчестве Светланы Ковалёвой – романс. Авторский, но тоже традиционный, русский – романс наследно классический дворянский и городской актёрский, "жестокий" и иронический, романс цыганский и казачий. Жанр неумирающий, вот уже почти двести лет продолжающий и развивающий всё лучшее, что с конца восемнадцатого века нарабатывалось нашей музыкальной и поэтической салонно-сценической культурой, что опирается на безымянное народное творчество и создания высочайших гениев – композиторов Глинки, Алябьева, Варламова, Гурилёва, Чайковского, Булахова, Рахманинова… и поэтов Пушкина, Толстого, Фета, Апухтина, Григорьева, Блока…

Русский романс, после Вертинского и Вяльцевой, Лещенко и Баяновой, ставший признанным всем миром национальным нашим символом-брендом, переживший гонения "по классовым принципам" и вернувшийся на большую сцену в исходе советских времён, чтобы вновь собирать самую широкую аудиторию, ждущую высоких романтических переживаний, продолжается, развивается, приобретает всё новые поколения творцов и поклонников.

В этой жанровой традиции поэтического и вокально-инструментального искусства Светлане Ковалёвой, не скрывающей женской доминанты в своём мировосприятии, близко лирическое направление с его подчёркнутой страстно-сентиментальной тональностью:

Когда волна уйдет за горизонт
И звезды в небе нарисуют полночь,
А Млечный путь раскроет старый зонт,
Чтоб ароматом летний сад наполнить,

Тогда придет такая тишина,
Что ты услышишь –
сердце тоже дышит.
А ветер шепчет: "Ты сейчас одна!"
И лунным светом тихо гладит крыши.

Близка автору и "простонародная" линия с припуском иронии, с юморной задоринкой, но, при том, со всё той же задушевной, чисто женской сердечной, всеведущей и всевидящей теплотой:

В антикварном магазине
Продается чья-то жизнь.
Вот диван в углу старинный,
Вот комод, а вот сервиз.
……..
Вот старинные каменья
В обруче из серебра,
Чьи-то мысли, чьи-то тени,
Чей-то свет и чья-то мгла.

Полтора десятка дисков с песнями и романсами, записанные автором лично и в содружестве с композиторами и певцами, две книги стихов. За всей разнонаправленностью поэтических влечений и эстетических увлечений Светланы Ковалёвой неизбывно чувствуется её сердцевинная, неизбывная приверженность традиции, приверженность естественная, природная, ибо всё её творчество пронизали и связали "корни берёз – мощные, сильные", из детства.

На которых "всё вокруг держится".